

В. Ф. РЖИГА

„Повесть о Петре и Февронии“ в русской литературе конца XVIII в.

Известно, что русская литература последней трети XVIII в. характеризуется значительным усилением демократических элементов. Этот несомненный факт был обусловлен углублением социальных противоречий и обострением классовой борьбы закрепощенного крестьянства с феодально-крепостническим строем. События крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева в 1773—1775 гг. глубоко всколыхнули широкие народные массы и в конечном счете не могли не привести к усилению роли демократических элементов в литературе. Идейные позиции великого Радищева в его «Путешествии из Петербурга в Москву» не были, конечно, одинокими. Созданию «Путешествия» предшествовали такие произведения, явившиеся из демократической среды в последнюю треть XVIII в., в которых была ярко выражена антикрепостническая, антидворянская направленность. Целый ряд такого рода произведений начинается знаменитым «Плачем холопов», относящимся к 1767—1768 гг., с его мечтой о воле и революционным призывом «выводить» «всякую неправду» «и злых господ корень переводить».

Правда, другие произведения литературы последней трети XVIII в., связанные с пробуждением демократического сознания деревни и города, не отличаются столь ярко выраженной революционностью, но все же антикрепостнический и антидворянский характер их совершенно очевиден. Таковы «Челобитная к богу крымских солдат» и «Горестное сказание», написанные так же, как «Плач холопов», в виршевой форме и проникнутые духом протеста против феодально-крепостнического гнета и произвола. Известны также «крестьянские повести» о подмосковных деревнях Камкиной и Киселихе, в которых выражается ироническое отношение крестьянина-балагура к барину-крепостнику, с одной стороны, и к управителю — с другой. Стоит вспомнить также известные произведения такого писателя, как Чулков, тяготевшего к устному народному творчеству и явно обращавшегося к читателям из трехсословной среды. Важно вместе с тем, что в росте демократических элементов в литературе последней трети XVIII в. немалое значение имели и драматургия с новым жанром комической оперы, затрагивавшим, начиная с «Анюты» Попова (1772 г.), крестьянскую тематику и широко пользовавшимся песенным народным творчеством, и так называемая лубочная литература, нередко высмеивавшая господ в своих картинках.

Интересно, наконец, что в этом процессе усиления демократических элементов в литературе последней трети XVIII в. определенную роль играет и традиция, восходящая к древней русской литературе, отдельные выдающиеся произведения которой получали в 80-х и начале 90-х годов новое.

более демократическое переосмысление. Любопытно, что известная повесть конца XVII в. о Фроле Скобееве была творчески переработана демократическим писателем второй половины XVIII в. И. Новиковым и вошла в состав его повествовательного Сборника «Похождения Ивана Гостиного сына» под заглавием «Новгородских девушек святочный вечер, сыгранный свадебным». Переработка эта замечательна не только обилием колоритных черт живого московского просторечия второй половины XVIII в., но и той иронией, с какой изображаются теперь представители московского боярства, самые фамилии которых, введенные автором, — Кошкодавов и Собакин — звучат насмешливо.

Другое произведение древней русской литературы — «Повесть о Петре и Февронии» — также было переосмыслено в последние десятилетия XVIII в. Так возникла четвертая редакция этой «Повести», общая характеристика которой была в свое время сделана мною,¹ но самый текст оставался до сих пор неопубликованным. Публикуя его теперь, мы не можем не подчеркнуть, что произведение это, в основе своей народное, и в первом литературном оформлении отличалось относительным демократизмом в духе XVI в., а теперь, в последние десятилетия XVIII в., стало, с одной стороны, еще более светским, освободившись от предисловия и послесловия в религиозном стиле, восходящих к XVI в., а с другой стороны, в соответствии с идейным уровнем времени прониклось новыми демократическими мыслями.

В тексте новой редакции, после упоминания о венчании Февронии, сделана вставка об ее добродетели, описывающая ее гуманную деятельность такими чертами: «Феврония же сво[и]ма рукама странных поила и кормила и покоила, в темницах селящих посещала и от темниц свобождала, все благое и доброе содевала и сироты и вдовы питала» (л. 171).

Далее, при изображении отношения бояр к Февронии, особенно подчеркивалось, что «она крестьянска рода и дочь бобыльская» (л. 172). Бояре требуют, чтобы Феврония «отстала деревенскова обычая не по-боярски ходити бесчинно» (л. 171 об.).

Особенно интересно, что новый редактор последовательно проводит демократические мысли. Он не только говорит о праве бояр выбирать князя, но рядом с вельможами и боярами ставит представителей более широких кругов, называя их «градские люди» и полагая, что все они «от всего града и народа присланы». Мысль о народе как источнике власти сказывается и далее, когда представителям города и народа влагается в уста заявление, что «мнози хотят самодержавствовати сами собою, а не от мира избраны».

Демократические настроения нового редактора, откликающиеся на переловую общественную мысль последней трети XVIII в., станут для нас особенно ясными, если мы сопоставим соответствующее место по двум редакциям — второй и четвертой.

Вторая редакция

И абие приидоша вельможи от града Мурома, моляще и глаголюще: «О, господине княже, от всех вельмож и от всего града приидохом молити тя, да не оставиши нас сирых, но возвратиши на свое

Четвертая редакция

И в тот же день приехали сюда вельможи и бояря и градские люди от Мурома пришли, Начаша молити князя и княгиню: «О, великий князю и господине наш, мы к тебе от всего града и народа

¹ В. Ф. Ржиги. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. ЛЗЭК вып. XXXIII, стр. 143—145.

отечество. Мнози бо велможи во граде погибоша от меча: кийждо бо их хотя державствовати, сами ся изгубиша, а оставши со всем народом молят тя» (*Памятники старинной русской литературы, вып. 1. СПб., 1860, стр. 44*). присланы молити тя и со княгинею, да не оставите нас сирых, помилуй нас и воз-

вратися во град Муром, во отечество свое. У нас во граде Муроме мнози бояря и велможи от народа погибоша в междоусобной брани, в мечи острые секущиеся. Мнози хотят самодержавствовати сами собою, а не от мира избраны...» (*лл. 174, 174 об.*).

Итак, мы не можем не видеть в публикуемом далее тексте четвертой редакции «Повести о Петре и Февронии» отражения тех общественных настроений широких народных масс, которые связаны были с эпохой после крестьянской войны под предводительством Пугачева.

Повесть о Петре и Февронии¹

На Воздвижение честнаго креста господня прииде князь Петр в церковь божию помолитися с верою. И явися ему отроча младо и рече: «Княже Петре, хощеши ли видети Агрикова меча, да покажу ти, иди скоро вослед мене». И приведе ево ко алтарной стене и показа || ему между церковнию л. 166 и алтарем тут мечь закладен в каменной стене. И увидя Петр мечь зело остр, зело подивися и благодарно взя его и принесе в дом свой, радуясь. И скоро шед поведи брату своему князю Павлу и показа ему мечь Агриков. И с того времени стал Петр подобна времени искати на змия, како бы ево погубити. И в некое время пришед Петр в полату к брату своему Павлу на поклонение; обычай бо Петров — всегда приходити на поклонение: он меньшей брат. И быв у брата, пошел в полату к снохе своей, к Павловой жене, и поклонися ей и увидя с нею селяща мужа в образе Павлове. Петр же скоро изыде ис полаты от нея и вьстрете слугу Павлова, идуша из дому. Петр же вопроси его: «Где брат мой Павел?». Слуга же сказал: «В полате судебной люлей судит». Петр же уразумел, что змей лукавой у снохи во образе Павлове сedit, и скоро тече к Павлу || и поведи все ему л. 166 об. про змия пронирство и лукавство и рече ему: «Брате мой милый, послушай мене, не ходи ты ис полаты никуды, а я скоро поиду к снохе своей, а к княгине твоей и застану змия, и буду боротися с ним, а ты в то время буди на молитве и молися господу богу со слезами, дабы мне помог змия победити». И взял мечь Агриков, и прииде в полату к снохе своей и узре змия беседующа с нею во образе брата, и ударил змия твердо и нача сещи ево от всея силы своя зело усердо. Змей же вострепета и паде на пол, мертв бысть и облия² Петра кровию своею на лице его светлое. И от тое крови явилася язва у Петра на лице и струп з болезнию и зело стало тяжко ему быти от того и весь острупел и изнемогаше и искаше от врачей исцеления и не получи нимало да тем и господа бога прогневал, опроче бога стал искати помощи от диавола. Рече господь во евангелии: «Иже невозможно есть от человек спастися, возможно бо суть да от бога». Сущю же князю Петру || в велицей скорби и бо- лезни бывшу и слышав, яко в пределех Резанские области есть l. 167 многие врачи, и скоро посла верного клеветра своего искати врача и обещася ему дары дати. И прииде тот клеветр в дом негде

¹ Так называемая четвертая редакция «Повести о Петре и Февронии» издается по единственной рукописи, сохранившей эту редакцию, а именно по рукописи ГИМа (№ 538, в 4-ку, 1790 г., 309 лл.). Заглавия в рукописи нет. Текст читается на лл. 165 об — 175 об. Печатается он в упрощенной орфографии, обычно принятой при издании текстов XVII и XVIII вв., но с сохранением всех фонетических особенностей данного списка.

² *Испр., в ркп. обия.*

тихо и кротко, никто ево не видал и в храмину вшел и увидел девицу едину, сядящу в ызбе, и ткаше полотно, а пред нею заец скачет. Девица же нача глаголати: «О, несмысленный и неразумный муж, почто тако, не обсылаючися, вшел семо ко мне. И невозможно бо есть во всяком доме быти без ушей, а в храмине без очей». Клеврет же не разуме глаголемых от нея и рече: «Девице, повеждь ми господа ради, где есть господин и жена его дому сего?». Она же отвеща ему: «Отец мой и мати пошли в добрые люди взаем плакати, а брат мой пошел в лес чрез ноги зрети в нави». Юноша же, слышав, и не разуме словес ея, зело подивися разуму ея и рече: «Аз вижду тя премудру и разумну, слышах от уст твоих мудрыя словеса, аз же не могу их разумети». Девица же рече ему: || «Человече, сего ли ты не разумеши, что глаголю, все препросто, аз ти повем и скажу ти. Пришел бо еси ты в дом ко отцу моему, не обсылаючис, да вшел в храмину и увидял меня в таковой простоте сядящу за станом и ткащу полотно, безобразну и красоты лишенну. Аще бы да пес был у нас в доме, и он бы тебя облаял на дворе, а я бы услышала и поопасилась бы: то бо всякому человеку глас бысть и провозвестник, пес в доме слышание и уши, а очи в доме — кошка. А отец³ и мати оба вкупе поидоша на погребение к соседу умершего погребати, сиречь, взаем плакати. А когда преставится, и к нам такожде придут на погребение и по них станут плакати. То именуется заемный плачь. А брат мой древодель пошел в лес, а лести ему на великое и высокое древо, а с высоты вниз зрети на землю, дабы не упасти з древа». Рече же юноша: «Зело ты смысленна и премудра. || Поведай ми, како тв имя?». Она же рече: «Имя мое Феврония, а ты откуда семо пришел и како имя твое и коего града и страны или веси житель и куды путь твой предлежит, повеждь ми все господа ради, и сюды в дом ко отцу моему чего ради пришел». Юноша же рече ей: «Аз ти все повем о себе: аз есмь послан от превелика и славна и честна мужа, от муромскаго князя Петра, а он ныне в великой скорби и в болезни и во многих язвах, тело его струпы великие иматъ на себе, опрысне кровию от летящаго змия, князь мой Петр мечем Агриковым острым на полы рассече; а в то время змей опрыснул лице его кровию своею, от того он и острупел, а ныне люто скорбит, и послал мя искати врача добраго и хитраго, дабы ему исцелитися. И того ради аз семо приидох послан искати добраго врача исцеления ради. И слышно князю нашему, что де здесь есть много хитрых и мудрых людей, а я их не знаю, где они живут и како их зовут. И ныне аз молю милость || твою, повеждь ми господа ради о них». Она же рече ему: «Аще бы кто требовал князя вашего Петра, то бы мог ево исцелити». Юноша же рече ей: «Аще бы да мочно кому князя нашего исцелити, и он бы много дал ему злата и сребра и всякого имения и богатства. Скажи ми ты искусна и мудра мужа и хитра и духовна врача». Она же рече ему: «Привезите сюды князя Петра вашего, и господь бог да исцелит его и уверачует, аще будет тих и кроток и смирен и богобоязлив и лехкосерд в ответех, да будет исцелен». Юноша же скоро возвратися ко князю с радостию и поведа ему все по ряду, яже видя и слыша. Благоверный же князь Петр услыша про девицу такие глаголы, зело подивися разуму ея и премудрости и рече к предстоящим, да везут его до тоя девицы. И привезоша близ дому ея. Князь же посла к ней юношу вопросити ю о враче добром. Она же рече: «Иди, чадо, и скажи князю своему, яко аз хочу ево врачевати, || а имения его, злата и сребра не хошу от него взимати. Толко есть слово единое до него, и сама ему изреку и супруга хошу ему быти, да божию помощию могу ево управити и скорбь ево уврачевати». Юноша же,

³ Испр.; в ркп. оц.

скоро шед и поведи все подробну князю Петру глаголы ея. Князь же слыша, помысли в себе, како мне, князю, да у древодела дщерь пояти за себя в жену, но зело изнемогаше болезнию многою и еще посла к ней, рече: «Скажи ми, девица, чем ты хоцещи мою болезнь уврачевати и что есть твое врачество: аще духовно уврачюеши, то аз имам тя пояти в жену себе». Блаженная же не требуя много врачевания, но толко взем сосудец малой квасу и молитву сотвори и духом осени и благослови и даде слуге и рече: «Приими сие от мене благодарно и шед отнеси князю Петру». И преже всего повеле баню уготовить⁴ и, выпаря гораздо, обсушить тело да вымазать всего, а един струп оставить немазан, и будет здрав. Слуга же принесе и содея тако. || И князь слыша ея зело премудру и хотя ея искусити, посла к ней едино повесмо лну, сама добра, белова, и глагола ей: «Аще хоцещи супруга быти, да учини в повесме срачицу князю и порты и убрусец малой тем временем, дондеже князь в бани пребудет». Она же не усумнеся нимало, взя у него повесмо и рече слуге: «Взыди на печь нашу и снеси ми поленце». Он же послуша, снесе и даде ей. Она же взя полено, отмери пядь едину полена и отсеке прочь и отдаде слуге и рече: «Отнеси князю Петру от мене и рцы ему: „В кое время аз очистишу лну повесмо, в то бы время князь сам построил в сем утинке стан со всею збруею, и буду я полотно князю ткать на срачицу и на порты и на убрусец“». Слуга же шед ко князю и отдаде ему утинок и сказал все подробну. Князь же взя поленце и рече: «Невозможно мне ис такова малова утинка стана болшова построить». И зело подивися премудрому разуму ея и ответу и посла к ней слугу того же: «Шед, рцы ей, яко ис такова малова утинка невозможно в малое || время построить». Она же рече: «А мне де невозможно в такое малое время из единова повесма три вещи состроити». Слуга же шед и поведи все глаголы ея. Князь же подивися разуму ея и мудрому ответу и поиде в баню мытися по ея повелению, и помазася из сосуда ея и все тело вымазал, а единого струпа не мазал, и изыде из бани вон, успе вмале и бысть здрав, яко и не бывало скорби и струпия на нем, и увидя князь Петр тело свое цело и чисто, толко един непомазанной гниет. Князь же зело подивися такой премудрости и скорому исцелению и на долг час в размышлении бысть о едином струпе гниющем. Блаженная же Феврония в то время молилася господу богу со слезами. Князь же размышляя в себе и не хотяше пояти ю за себя и вспомянул слово свое обещанное, а отечество ея претит ему, и посла к ней драгие дары и повеле ей глаголати: «Не прогневайся, яко невозможно князю Петру пояти тя в жену себе отчества твоего ради». Феврония же даров не прияла || и рече слугам: «Идите ко князю вашему з дарами назад и рцыте ему, яко он обещания своего не сотворил и в правде не устоял, не будет на нем милости божия и гнев велик от бога примет и наказание». Князь же поехал во град Муром здрав и бодр, и весел. И начаша по нем от того струпа непомазаннаго инья струпы являтися и паки весь острупел и увидял себя паче и перваго в великой болезни и скорби изнемогающа, и опять приехал на исцеление к Февронии и приехал близ дому ея, посла к ней с великою честию и с молением и драгие дары посла к ней, чтобы ево исцелити по-прежнему. Она же нимало гневу не подержала, рече слугам: «Аще первое свое обещание князь Петр исправит, супругою меня себе возмет, да будет уврачеван и исцелен и оздравеет». Слуга же шед поведи князю все. Он же обещался с клятвою пояти ю за себя супругою правоверно, аще от нея исцеление получит. || И посла ко князю тово же квасу со благодарением. Князь же по предреченному слову все так же управи

⁴ *Испр.; в ркл. уготовит.*

и сотвори. И помаза все тело свое острупленное и бысть здрав и поехал в Муром град с великою⁵ радостию да поят с собою и Февронию с великою честию. И пришедше во град Муром, благословением епископа муромскаго сотвориша брак честен и сочетался с Феврониею и венчался в соборной и апостольской церкви и бысть радость велия во граде Муроме. И живуще князь Петр с княгиниею Феврониею во всяком благочестии и ходивше по заповедем господним и пребысть в посте и в молитвах днем и нощию. Феврония же своима⁶ руками странных поила и кормила и покоила, нагих одевала, больных призидала, в темницах сидящих посещала и от темниц свобождала, все благое и доброе содевала и сироты и вдовы питала и в смиреннии и кротости все пребывала и во страсе божиин. По мале же времени старейши брат ево Павел от жития сего отиде. Благоверный же л. 171 об. || князь Петр после брата своего Павла един приял княжество и отчину и град Муром. Враг же диавол искони бе ненавядя добра роду христианскому вложи ненависть в боярех его и начаша не любити блаженные княгини Февронии, боярони вознегодовали на Февронию, яко от крестьянскаго рода блаженная княгиня Феврония — бог же прославляше ю добраго ради ея жития.⁷

Чюдо первое блаженные княгини Февронии, како крохи хлебные прелагаше в фиимаи и в златницы.⁸

Некогда от предстоящих бояр приидоша ко благоверному князю Петру и начаша рещи на княгиню Февронию хулу, чтобы отстала деревенскова обычая не по-боярски ходити бесчинно и крохи за обедом в руку брати будто голодна. Князь Петр, хотя ея искусити и тайно уведати, седе с нею за стол обедати. Егда же скончася обед, она же пред собою крохи взимая в руку свою, встала по обычаю своему. Князь же Петр присмотрил, л. 172 а ея обличити и оговорити, взя ю за руку и разверзе ю и увидя в руке ея росной ладан, || а в иное время златницу обрел вместо крох хлебных и зело ужасеся и подивися сему чудеси и обещася к тому впретки не искушати и прося прощения от нея с любовию. И некогда пришли ко князю бояря с великою яростию, глаголюще: «Великий князю, мы хощем тебе служити верно и праведно со благодарением, яко самодержца имети будем, а княгине твоей Февроние наши боярони не хошут служити и слушати ея: она крестьянска рода и дочь бобыльская, а нашими боярнями господствует. Аще ты хощеша самодержец быти, пойми себе от князей и бояр или от велмож честна рода, а Февроние же даждь доволна богатства, да идет прочь восвоися, откуду пришла, ко отцу своему и матере или в монастырь». Благоверный же князь незлобив, ярости и гнева не имея на них, но с тихостию отвеща: «Но идите ко княгине Февронии и глаголите ей». Они же, наполнившеся неистовства и безстудства, умыслиша учредити пир и сотвориша тако. И егда веселы || быша, начаша глаголати срамныя и безстудныя глаголы, аки псы брегчуже и отнимающе у святыя Февронии из рук дар божий и глаголюще ей: «Госпоже наша княгиня Феврония, весь град наш Муром глаголют бояря и боярони: „Даждь нам князя, его же мы просим у тебе, хощем вси да самодержавствует над нами князь Петр, а боярони наши не хошут у тебе быти под властию, да не господствуеш над ними, да возьмеш много злата и сребра и богатства и отъидеши⁹ прочь, куды хощеша“». Феврония же рече им: «Просите, елико хощете, авося и примете. Аще аз буду глаголати и просити у вас, можете ли

⁵ Испр.; в ркп. воликою.

⁶ Испр.; в ркп. свома.

⁷ В ркп. нет.

⁸ Испр.; в ркп. латницы.

⁹ Испр.; в ркп. отидеши.

сотворити?»). Они же ради быша, неведуще будущаго и глаголюще ей с клятвою: «Аще о чем ты нам единою изреки, и мы всякого прекословия содеем по твоему словеси и по воли твоей». Феврония же рече: «Ничто же ино прошю, но токмо благовернаго великаго князя Петра муромскаго». Бояра же реша ей: «Аще князь наши сам || похощет. Аще л. 173 у нас в Муроме не будет князя Петра, мы иного выберем и поставим вместо его». Князь же Петр не возлюбил сего суетнаго маловременнаго жития и самодержавства кроме божиих заповедей, яко же богогласный апостол Матфей вещает, глаголя: «Аще кто пустит жену свою разве словесе прелюбодейнаго, а оженится иною, прелюбы творит». С ними же святой Петр по евангелию сотворит, заповеди божии не разрушил. Бояра же даша им струги и лотки на Оке реке. Они же отыдоша от своєю области и отчества и положиша все упование свое на бога, промышляющаго угодниками своими, духовными мужи.

Егда блаженная княгиня Феврония провидела в некоем человеке на прелесть лукавая помышления.

Пловущим же им по реке в судех, и некий человек бе у княгини в судне и жена ево тут же. Человек же той имев велию мысль на княгиню. Она же познала в нем такую злую мысль, от беса напущенную, и рече ему Феврония: «Человече, воззри ты на свою жену, || а не зри на чюжую». Обличи его л. 173 об. и глагола ему: «Возми сосуд и почерпи воды по страну судна и испей, да и по другую также». Он же тако сотворил. И рече ему Феврония: «С коея страны вода слаждыша?». Он же рече: «Одна вода укусом со обоих стран». Феврония же рече ему: «Сице таково и женское естество и у своєю и у чюжия, и не благо ты сие твориши, что ты от своєю жены на чужие помышляеши с похотию. Аще позрит человек на чюжую жену, то прелюбы творит и в вечную муку себя готовит». Слуга же той, увидя блаженную такой крепости разума твердаго и в благодати божии пребывающую чрез духа святаго, и зело убоясь к тому сего не творити и помышления не держати, аминь.

Приспешу вечеру,¹⁰ сташа на брезе, зело убоясь ехати. Благоверный же князь Петр нача помышляти в себе, почто я так содеял, своєю волею отлучился самодержавства. Рече же к нему княгиня Феврония: «Друже мой, не скорби, милостивый мой господине, господь бог, творец и промысленник || о нас с тобою, такожде и о всем мире и не оставит нас л. 174 в нищете быти».

Чюдо сотвори блаженная Феврония на берегу же том... Князю и княгини на вечери ужину начат готовить и припасати дровца малые, на них же котлы висяху. По вечери же княгиня Феврония ходяше на берегу и пришед к тем дровцам малым и благослови их и рече: «Растите и будите на утрие велики и зелены и листие имуще многое». На утрие ж тако и сбьются: воставше заутра, и обретесь те древа зело велика и ветве зеленое зыблются малыми ветры. И в тот же день приехали сюды велможи и бояря и градские люди от Мурома пришли, начаша молити князя и княгиню: «О, великий князю и господине наш, мы к тебе от всего града и народа присланы молити тя и со княгинею, да не оставите нас сырых помилуй нас и возвратися во град Муром во отечество свое. У нас во граде Муроме мнози бояря и велможи от народа погибоша в междуусобной брани, в мечи острые секущися. Мнози хотят самодержавство || вати л. 174 об. сами собою, а не от мира избраны, и весь град и людие соединилися и молят тебя и со княгинею, дабы во всем простили их, в чем они вас прогневали. И, княгиня Феврония, буди госпожа над боярями и надо всеми.

¹⁰ Испр., в ркп. великому.

да не оставите нас сырых, помилуйте, возвратитесь во град Муром господа ради. . .». Князь же и княгиня зело прослезилися и возжалилися о граде и о мире и о отечестве своем и возвратилися во град Муром, прославляюще господа бога своего и в непрестанных молитвах и молениях всегда пребывающе и в заповедех господних ходяще и оправдания храняще и милостыню неоскудну всегда творяще и сирот и вдовиц кормяще и ко святым монастырем и по церквам всегда ходяще и строяще пелены и воздухи и жемчюгом и камением драгим украшающе и ко всему миру, яко отец и мати чадолюбивые и любовь ко всем равну имуще, а гордости не имуще, но в самого бога богатеюще, яко истинный пастырь, а не наемник.

л. 175 праведно и преподобно || поживе, странныя приемлюще, алчныя насыщающе, нагия одевающе, бедныя от напастей избавляюще и от темницы юзников свобождающе, мертвыя до гроба провожающе и во всяком благочестии пребывающе и господу богу угождающе. А егда прииде благочестное их преставление, оба на молитве стоясте, чтобы во едином часе прилучилося им преставление и любезно между собою совет сотворили, да будут положена во едином гробе. И повеле князь Петр в камени едином выделатъ между ими преграду. И приняли оба иноческий образ, облеклися в черныя ризы. Петр во иноцех наречеса Давид, а Феврония во инокинях наречеса Ефросиния. В то же время преподобная шила воздух в соборную и апостольскую церковь ко святей богородице и убрус своиа рукама. Благоверный же князь Петр посла ко княгине, дабы шла скоряе до него: «Уже бо аз хошу от тела отъйти,¹¹ да ожидаю тебе, яко да оба вкупе с тобою отыдем ко господу». Она же посла к нему того же слугу и рече: «Еще пожди, господине мой, малое время, аз еще не дошила воздуха и убруса богородице».

л. 175 об. || Он же еще и во второе посла к ней и в третье посла к ней, глаголя: «Уже я близ смерти, мало пожду тя». Она же немного недошила, покиня дело, и пошла ко князю. И пришедчи к нему, простилася любезно друг з другом и целование о господе всем предстоящим даде мир и успе оба вдруг вечным сном и во едином гробе положиша их и честно погребоша и бысть от них зело многая исцеления с верою приходящим.

¹¹ Испр.; в ркп. отити.